Дмитрий Шемякин

ГОРОД БОГОВ

часть 3

ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ

Дмитрий Шемякин

Город богов- 3. Великая Скифия.

«Автор»
2026

Шемякин Д.

Город богов- 3. Великая Скифия. / Д. Шемякин — «Автор», 2026

Продолжение приключений Петра Беляева и его друзей. Теперь они снова попадают на равнины древней Скифии

© Шемякин Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 8
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 23
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 32
Глава 10 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Дмитрий Шемякин
Город богов- 3. Великая Скифия.

Пролог

Красный круг солнца медленно, словно боязливо, выглядывал из за горизонта, освещая бескрайнюю степь, по которой скакали около сотни всадников в островерхих кожаных шлемах. Кони, вымотанные долгой скачкой, были в мыле; по их крупам хлестали кусты шиповника и чилиги. Клубящийся белый туман быстро терял густоту, становясь бесцветным, и оседал росой.

Многие воины были ранены: из наспех перевязанных ран сочилась кровь, падая на влажные листья шалфея и донника.

– Борак! – крикнул один из воинов предводителю всадников. – Нужно сделать привал! Мы скакали всю ночь! Люди и кони падают от усталости!

Борак – одноглазый, широкоплечий воин в наборном панцире катафракте, иссечённом ударами мечей, – свирепо крикнул:

– Нет, Тунай! На хвосте – яваны! Если мы остановимся, нам конец!

Словно в подтверждение его слов, впереди, на самом горизонте, показались крошечные фигурки всадников.

– Они перерезали нам путь! – прохрипел Борак. – Поворачиваем налево, к Чёрным горам!

Но едва отряд повернул к спасительным горам, до которых было не более часа езды, как и оттуда показались яваны. Окрашенные в красный цвет гривы их шлемов развевались по ветру. Завидев преследуемых, македонцы издали радостный вопль. Затрубили трубы, и всадники стали быстро и умело перестраиваться в одну сплошную линию, доставая из-за плеч щиты и длинные копья сариссы.

– Мы окружены! – рявкнул Борак. – Наша земля в руках врагов. Умрём с честью, чтобы псы яваны навсегда запомнили, кто такие скифы!

Солнце тем временем взошло, отражаясь в латах и щитах македонцев, окруживших горстку скифов – тех, кто уцелел после тяжёлой битвы, где почти всё их войско было истреблено железными фалангами Александра.

Князь скифов Борак совершил большую ошибку, сменив привычную тактику войны. Прежде его всадники не вступали в открытый бой, предпочитая тревожить македонцев стремительными наскоками, после которых тут же уходили в бескрайнюю степь. Но Бораку захотелось затмить славу величайшего из скифских царей – Атея, чтобы о нём говорили: «Ойе, это Борак, который победил в открытом бою самого Протомаха – полководца Искандера Двурогого!» Чтобы о нём пели песни слепые певцы, а многочисленными черепами яванов играли бы дети в шатрах.

Кольцо вокруг всадников сжималось, но теперь уже и сами македонцы не спешили бросаться в бой. Прячась за щитами, они метали стрелы в бесившихся скифских коней. А когда окружённые пытались контратаковать и пробиться из западни, в ход шли бесчисленные длинные копья, на остриях которых гибли и кони, и всадники.

Когда сам Борак рухнул со стрелой в горле, навеки закрыв свой единственный глаз, молодой скиф с курчавой окровавленной бородой рявкнул оставшимся в живых:

– Прорываемся все в одном месте – вон там!

Он указал вперёд, где копья македонцев не были столь густы. Два десятка оставшихся в живых воинов с гиканьем погнали коней. Завязалась сеча.

Рослый скиф с огромной палицей успел соскочить с падающего коня и теперь вертелся на месте, ворочая палицей, словно пёрышком. Кони македонцев шарахались в разные стороны, а двое смельчаков, попытавшихся достать свирепого варвара мечами, упали с раздробленными головами. Но враги налетели снова, и скиф повис, поднятый на копья, всё ещё пытаясь освободиться.

Всё было кончено. Часть сопротивлявшихся была изрублена, а последних троих, оставшихся в живых, захлестнула арканами подоспевшая лёгкая пехота. Уронив их в душистую траву, воины, словно пауки, быстро опутали пленников ремнями. Пленные рычали и ругались, осыпая македонцев отборной бранью.

Тучный перс, недавно перешедший на службу к яванам, подскакал к полководцу македонцев Протомаху и бросил к ногам его коня голову Борака.

– Отлично, Базан! За голову этого скифского князька наш богоподобный Александр обещал заплатить один талант, – засмеялся Протомах.

Он подъехал к трём оставшимся в живых скифам.

– За этих воинов хорошо заплатят на невольничьем рынке, – сказал Протомах, – поэтому я запрещаю распинать их. Да и столбов в округе нет. Раненых добейте, чтобы не возиться, и трубите отход. Дальше идти в их бескрайние степи незачем и небезопасно.

Македонцы бродили по недавнему полю битвы: помогали своим раненым, а скифских безжалостно добивали. Но ни один из скифов не просил пощады, предпочитая напоследок хотя бы плюнуть во врага или впиться в него зубами.

Яваны равнодушно выворачивали мешки скифов, вытряхивая из них просяные лепёшки, деревянные или медные чаши, а если сильно повезёт – то и горсть серебряных дариков.

– Нищие земли, нищий народ, – ворчал пожилой гоплит, бесцеремонно отрезая ещё живому скифу ухо, в котором болталась медная серьга. – То ли дело Лидия или Египет! А что здесь? Вонючий скифский сыр да кобылье молоко. Тут, в этих гиблых местах, мы потеряем больше, чем найдём.

– Ахей, замолчи и радуйся, что остался жить, – отозвался его товарищ Никанор, которому повезло больше: он успел снять с какого-то богатого скифа массивную серебряную гривну. – Вечером будем пить скифское вино и играть в кости. А это не так уж мало по нынешним временам.

Хрипло заревели трубы, и поредевший отряд македонцев, построившись в походный порядок, двинулся обратно, к Яксарту, где находилось основное войско царя Александра.

Трое пленных скифов, привязанные к длинному шесту, плелись за телегой, нагруженной награбленным добром.

– Какой позор, – тихо шипел молодой скиф с длинной гривой спутанных волос. – Лучше бы мы погибли в бою, а теперь что?

– Раз сразу не убили, значит, продадут в рабство, – сказал второй пленник. Его кожаная рубаха во многих местах была изрезана и порвана, а на скуле алела длинная ссадина.

Третий пленник – с окровавленной чёрной бородой, тот самый, что приказал прорываться, – ничего не сказал. Он молча, угрюмо шагал, глядя себе под ноги.

Внезапно скиф замер, заставив остановиться и своих товарищей. Он поднял голову к небу и стал по собачьи нюхать воздух, тряся плечами, будто собирался танцевать какой-то странный танец.

– Кшатра, что с тобой?! – закричали пленники. – Ты сошёл с ума?!

– Она придёт, она выручит нас – моя сестра! Моя Кия! Как я выручал её! Папай! Ты вспомнил о своих детях!

– Что там орёт этот варвар на своём варварском наречии?! – рявкнул Ахей, гарцуя на коне. – У меня мороз по коже от их грубого языка! Никанор, тресни ты этого дикаря по башке, чтобы он заткнулся!

Его товарищ ловко закрутил копьё и, перевернув его, обрушил на голову кричащего скифа такой град ударов, что тот упал, увлекая за собой своих привязанных к шесту товарищей. Из-за пазухи у него выпала и незаметно скользнула в высокую траву небольшая каменная статуэтка.

– Кия, мы тут! – ревел Кшатра, не обращая внимания на удары рассвирепевшего воина. – Папай, не дай сгинуть твоим детям в подлых руках яванов!

Ветхая рубаха скифа порвалась, обнажая худую грудь, на которой краснел свежий ожог – будто пленник нёс за пазухой горсть углей из печи.

– Да заткнёшься ты наконец?! – рявкнул Никанор, нанеся ещё несколько страшных ударов. – Язык тебе отрезать, что ли?!

Скиф встал и, ухмыляясь в окровавленную бороду, пошёл вперёд, то и дело оглядываясь на то место, где в высокой траве лежала статуэтка, сжимавшая в руках меч и глядевшая пустыми глазницами в синее небо.

Глава 1

– Н-но, Василиса!

Пожилой усатый возница в треухе, жалея клячу, запряжённую в сани, только хрипло кричал, не желая хлестать вожжами по худой спине лошади.

Зимний лес в окрестностях небольшого польского городишка ничем не отличался от леса Урала или Сибири: тот же вековой покой и тишина, те же сосны, тихо, будто укоризненно, качавшие своими бело зелёными кронами.

Белую тишину леса нарушали конское ржание и людской гомон. Большая вереница саней и крытых повозок с красными крестами двигалась на запад.

Молодая женщина, сидевшая в санях, куталась в белый армейский полушубок и дремала. Но юный непоседливый солдатик в телогрейке, который шагал рядом с санями, не дал ей уснуть.

– Товарищ капитан! Лизавета Петровна, разрешите обратиться? Куда нас?

Женщина вздрогнула и поёжилась.

– Так, на левый фланг, Саша. Наш ППГ перебрасывают. У нас тихо, а там наступление.

– Значит, конец тихой жизни, – вздохнул солдатик.

Женщина поплотнее надвинула шапку ушанку и ободряюще сказала:

– Не горюй, рядовой Сорокин, скоро всё кончится. Уж в этом то, в 1945 м, точно войне конец. Уже и союзники второй фронт открыли. Вот мы уже и в Польше, а за ней и Германия. А там и Гитлеру осиновый кол в глотку воткнём.

Рядовой улыбнулся и больше не докучал вопросами, а Лизавета Петровна Мухина – капитан медицинской службы, возглавлявшая 322 й передвижной госпиталь пятой ударной армии Первого Белорусского фронта, – снова задремала, перебирая в памяти события двадцатилетней давности и то, что последовало за ними.

***

Кабинет Дзержинского по-прежнему был скромен, если не сказать беден. Феликс Эдмундович указал на стулья:

– Присаживайтесь, товарищи. Чай сегодня замечательный.

Лиза Запольская, Нахим Фейгельман и Пётр Беляев расселись за столом и отхлебнули обжигающий чай из железных подстаканников с хитрым узором.

Дзержинский пытливо посмотрел на жёлтое, измученное болезнью лицо Нахима и усмехнулся:

– Ну что, отравитесь? Вижу, что ты ещё не пришёл в норму.

– Я в полном порядке, – заверил Фейгельман. – Тибетские товарищи вылечили и поставили меня на ноги.

– Верю, верю, – улыбнулся глава ГПУ. – Сам тоже всем вру, что здоров.

Он закурил папиросу и кивнул на кипу бумаг, лежавшую на столе:

– Всё, что вы написали в своих отчётах, настолько необычно, что, если бы я не знал вас, то...

Дзержинский закашлялся папиросным дымом, а Лиза вздрогнула. В своём отчёте она ни словом не обмолвилась ни о статуэтке Папая, которая всегда теперь была с ней, ни о её брате из Скифии по имени Кшатра, ни об удивительных приключениях в степях вместе с гречанкой Феодосией.

Дзержинский между тем продолжал:

– Но такое не придумать... Со всем, что вы добыли, уже работают наши специалисты. Ну а вам после такого путешествия полагается отдых, так же, как и вашим подчинённым.

Фейгельман шевельнулся:

– Профессор Ульфсон просил за своего товарища – Ивана Подгорского, который арестован по подозрению в контрреволюционном заговоре.

– Да, я в курсе, – отозвался Дзержинский. – Освобождён, хотя вину свою признал.

– Каджик Новак и Подкова, – подал голос Беляев.

– Придётся им подождать, – вздохнул Феликс Эдмундович. – Новостройки сдадут только в 1926 м. Не волнуйтесь. Всех, кто участвовал в экспедиции и помогал вам, мы не забудем.

Он хитро посмотрел на Лизу и улыбнулся:

– А вы что же молчите, товарищ Запольская? О своём семейном положении. На свадьбу то позовёте?

Лиза покраснела, как девочка.

– Д да, – запинаясь, сказала она, – только...

– Не волнуйтесь. И с жильём, и с документами на усыновление Матвея мы тоже всё уладим.

Лиза поёжилась. От всесильного шефа ГПУ ничего не утаить. Ничего. Кроме Папая.

***

Сон больше не шёл. Сани продолжали мерно покачиваться. Где- то впереди, далеко, гремела канонада. Скоро Красная Армия выйдет к Одеру, но сколько будет ещё до этого искромсанных тел – молодых, старых, из которых они, военные хирурги, будут вытаскивать пули и осколки... Сколько людей будет кричать и выть от боли, а сколько будет её терпеть, закусив губы; сколько бойцов выживут, а сколько навсегда останутся на чужой, польской земле...

Лиза вздохнула, вспоминая своих близких: мужа Василия, воевавшего сейчас с шайками бандеровцев на Украине вместе с Петром Беляевым, и сыновей – младшего Костю и старшего, Матвея.

Костя родился в 1933 м и сейчас писал ей письма из Сталинградского Суворовского училища, крепко тужа, что не успеет повоевать и поквитаться с фашистами. «Глупенький...» А приёмный Матвей сейчас под Клайпедой. Подполковник. Обскакал по званиям и маму, и папу. Командует танковым батальоном в составе Первого Прибалтийского. Красавец парень, орденоносец и её гордость, у которого перед самой войной родилась дочь Танечка – Лизина внучка.

Лиза улыбнулась, вспоминая первую встречу и с лихим рубакой, её мужем Василием Мухиным, и с чумазым беспризорником Мотей, волей судьбы оказавшимися в Туркестане. Как давно это было! Сколько всего произошло с тех пор! А вот она уже и бабушка. Правда, молодая, сорокалетняя, которой не давали больше тридцати и ни за что не хотели верить, что у неё есть внучка. Эх, годы, годы...

– Товарищ капитан! – прервал её воспоминания подскакавший молоденький лейтенант с ППШ за плечами. – Разрешите обратиться! Там двое саней с тропы сбились, сани перевернулись, лошади ноги повредили.

Лиза тихо ругнулась про себя. Опять заминка! Они и так опаздывают!

– Что в санях?

– Носилки, столы раскладные, операционные и палатки.

– Раненых лошадей прирезать. В тыл их отправлять уже некогда, да и не с кем. Других возьмите у хозвзвода.

– Так не дадут!

– Сделайте так, чтобы дали.

Лейтенант ускакал. Лиза посмотрела ему вслед. Молодой, красивый... Как же хочется, чтобы он остался в живых.

Воспоминания помимо воли продолжали роиться в голове: учёба, свадьба с Мухиным, на которой отплясывали и Беляев, и Фейгельман; Терентий Чернозипунников устроил лихую джигитовку вместе с Васей, а Каджик Новак и Подкова, подвыпив и вспомнив, что они про-

фессионалы французской борьбы, крепко мутузили друг друга под одобрительный рёв гостей (какая свадьба без драки)... Похороны Дзержинского в 1927 м, рождение Кости...

А потом наступил март 1938 го: обвинение в том, что всю добытую в походе информацию они передали немецкой разведке ещё в 1924 м. Арест всей их экспедиции, допросы, очные ставки... Слава богу, Матвея, Игоря Карловича, Чернозипунникова, Новака и Подкову освободили. Их спасло то, что они не знали настоящей цели экспедиции. Не зря, не зря им говорил Беляев: «Меньше знаете, ребятки, крепче спите». А вот её, Васю, Беляева и Нахима мурыжили с пересмотром дела аж до 1941 го.

Лиза вытащила из внутреннего кармана полушубка маленькую каменную статуэтку. Как она надеялась перед арестом, что её брат Кшатра поможет ей, но... Видимо, с ним что-то случилось. Да и как бы он помог? Перед самым арестом она спрятала Папая в погребе, вопреки просьбе Кшатры не расставаться со статуэткой...

Лиза горько усмехнулась. Да, натворил дел этот упырь, кровавый карлик Ежов, сгубивший сотни преданных делу чекистов. И её бы тоже наверняка расстреляли, если бы главой НКВД не стал новый руководитель – энергичный грузин Лаврентий Павлович Берия.

Их с Васей освободили ровно за неделю до начала войны – пятнадцатого июня, и это была самая счастливая неделя в их жизни. Их новый начальник дал им месяц отпуска, и они махнули всей семьёй в Крым.

Где-то совсем недалеко раздались частые выстрелы, и Лиза вынырнула из воспоминаний, как выныривают из воды.

– Товарищ капитан! – крикнул подскакавший молоденький лейтенант. – Наш дозор на немцев напоролся!

Сон мгновенно отлетел. Лиза соскочила с саней, расстегивая кобуру.

– Сколько?

– Около роты!

Последние слова лейтенанта потонули в череде миномётных взрывов. Лиза упала на бок. Внезапно она с удивлением почувствовала жар под мышкой, где был внутренний карман, в котором лежала статуэтка Папая. Он уже давно не подавал признаков жизни, и Лиза иногда уже не верила самой себе: а правда ли эта штука, подаренная ей Кшатрой, когда-то нагревалась, как печка, и от этого она могла понимать древние языки или переноситься в прошлое... Но сейчас!

Жар от Папая был такой, что Лиза подумала, будто её ранило. Но за пазухой было сухо. Неужели...

Впереди, между деревьев, показались тёмные силуэты немцев. Лиза несколько раз нажала на спусковой крючок. Внезапно всё вокруг лопнуло, будто она попала в огромный воздушный шар. Неужели смерть?

А как же Васька, Матвей...

В угасающем сознании Лизы всплыли муж, старший сын Мотя, которого она, как ни странно, любила больше родного, и почему-то Беляев, и даже Терентий Чернозипунников. Ох, как больно...

Всё стихло.

Глава 2

Наступал вечер. Запылённый отряд македонцев, завидев вдали серебристый изгиб Яксарта, издал радостный клич. Ну наконец то! Недалеко от реки раскинулся их большой город Эвитихия, основанный царём Александром несколько лет назад как колония и военная база. Горячая еда, постель, амфоры с вином, молодые рабыни и дележка награбленного ждут! Дорого далось им преследование этой горстки скифов – они добились своей цели. Царь Борак мёртв, остальные скифские князья наверняка ушли далеко в степи и теперь долго не сунутся.

Пленники, завидев город, не выказали радости. Что ждёт их там? Побои, невольничий рынок, рабство.

– Что ты там кричал, Кшатра? – спросил молодой скиф Канита, который шёл первым. – Кто нас освободит? И когда?

– Не знаю когда, но освободят, – уверенно отозвался Кшатра. – Моя сестра. Она далеко отсюда. Она услышала мой зов, теперь она придёт и выручит нас.

– Я подумал, что ты сошёл с ума, а теперь вижу, что я не ошибся, – буркнул третий скиф – широкоплечий силач Савмак, который, прежде чем его успели скрутить, задушил одного из яванов голыми руками. – Как она нас найдёт? Как освободит? Осадит и возьмёт штурмом Эвитихию?

– Эй, рабы, молчать! – прикрикнул охранник Ахей – тот самый пожилой македонец, позарившийся на медную серьгу в ухе раненого скифа.

На глинобитных стенах города стояли дозорные, а ворота были распахнуты. Отряд медленно миновал их. Жители города – в основном жёны и дети воинов, а также старики, не способные больше к военной службе, – сбежавшись, смотрели на страшных варваров.

– Ещё троих! – весело крикнул какой-то курчавый мальчишка в красной тунике. – И в яме ещё десяток!

– Завтра Гарпий, флотоводец нашего несравненного Александра, купит их! Ему нужны гребцы для триер! – со знанием дела отозвался товарищ курчавого. – Мне отец рассказывал, что скифы очень ценятся за силу и выносливость, а также за то, что их очень редко удаётся взять в плен.

Стало темно. На улицах одна за другой загорались чаши с маслом, установленные на высокие треноги. Неровный свет выхватывал из темноты лица воинов, зевак и стены домов.

– Эй, Никас! – крикнул Ахей. – Принимай пополнение – ещё трое варваров.

Никас с уважением посмотрел на мускулистых скифов.

– Эти ничего. Можно запросить за них немало дариков. А вот за сброд, который наловили в степи и окрестностях Яксарта, дадут разве что десяток медных оболов.

Охранник завертел колесо, приподнимая тяжёлую решётку подземной тюрьмы.

***

Танковый батальон Т 34, выйдя к какой-то литовской деревушке, решил действовать, как немцы в сорок первом: двумя сходящимися ударами окружить противника, взяв его в мешок.

– Через час выступаем, – приказал подполковник Мухин, убирая в планшет карту, испещрённую кружками, скобками и номерами. Командиры танков стали расходиться к своим машинам.

– Матвей Васильевич! – взмолился ординарец Игорь Евграфов. – Перекусите хоть! Ну в самом деле! Ещё товарищ Ленин говорил, что здоровье руководства – имущество казённое, и его беречь нужно, а вы третий день всухомятку. А тут в хате литовской специально для вас ведараи сделали. Очень зовут.

Матвей взглянул на трофейные швейцарские часы и улыбнулся.

– Ведараи, говоришь? Ладно, уговорил, липучка. Пошли, Игорь, есть твои ведараи.

Литовский крестьянский дом, покрытый соломой, был беден, но аккуратен. Так же выглядели и хозяева: дряхлый дед с длинной седой бородой, женщина лет пятидесяти и несколько детей подростков.

– Добро пожаловать, – звучно, почти без акцента, сказал дед.

– Лабас. Лабадена, – учтиво отозвался Мухин.

Мухин и ординарец степенно прошли в хату, где хлопотали две девушки. На столе уже стояли глиняные миски с дымящейся едой. Матвей только сейчас понял, как он голоден, но приличие не давало ему наброситься на горячие картофельные колбаски.

– Скоро войне конец? – спросил дед, с уважением поглядывая на военных.

– Скоро, отец, – спокойно отозвался Мухин. – Скоро все по-людски заживём.

– Поскорей бы, – вздохнул дед. – Жаль только сыновей. У меня четверо. Двое у вас, а двое у немцев.

– У немцев? – недобро переспросил Евграфов, но Мухин перебил его:

– Проверят. Если преступлений не найдут, то...

Внезапно Матвей ощутил, как потемнело в глазах, а дыхание сбилось, будто он бежал кросс. «Твою мать! Их отравили! Ну, Петька...»

Слёзы, хлынувшие из глаз – то ли от еды, то ли от осознания того, что он не увидит Победы, – собрались в причудливый калейдоскоп, в котором исчезла и литовская хата, и жующий как ни в чём не бывало ординарец Евграфов.

***

– Введите арестованного.

В кабинет ввели невысокого юркого мужичка с вислыми украинскими усами. Он угрюмо посмотрел на капитана и майора НКВД, сидевших за столами и перебиравших какие-то бумаги. Наконец майор отвлёкся и спокойно спросил:

– Ну что, гражданин хороший, расскажешь, зачем ты здание сельской школы заминировал?

Майору было около пятидесяти, капитану – лет на десять поменьше.

– Москальскую мову не разумию, – буркнул задержанный.

Ни майор, ни капитан не выказали злости или раздражения. За время борьбы с бандеровскими головорезами они видели многое.

Майор закурил «Герцеговину Флор» и буднично сказал:

– Тебя, сука, взяли с поличным. Если ты сейчас не расскажешь, кто и зачем тебя послал, мы тебя не расстреляем, нет. Мы тебя родителям тех детишек, которых ты взорвать хотел, отдадим.

Задержанный сразу вспомнил москальскую мову. Его усы задрожали, а из глаз выступили мутные слёзы.

– Меня заставили! Михась Гуцул в заложники детей взял!

Капитан встал, усадил трясущегося бандита на стул и налил воды из большого графина.

– Рассказывай всё подробно.

Он снова сел за стол и, достав несколько свежих бланков протокола, приготовился записывать.

Но в кабинете начало что-то происходить. Воздух, подёрнутый табачным дымом, вдруг стал тяжёлым, как мокрая вата. Капитан с хрипом схватился за шею, будто его кто-то душил.

– Пётр Николаевич! – успел крикнуть он майору, который тоже побледнел и хрипел, мотая головой.

***

Уставшие кони шуршали сеном, а грузный рыжий военный ветеринар, придирчиво осматривая их, беззлобно ругал командира группы разведчиков Ласточкина.

– Загнали совсем лошадок твои ребята, Витя. Рёбра выпирают, у троих мокрец вижу, у двоих ноги опухли.

Ласточкин, привыкший к ворчанию ветеринара, отозвался, копаясь в планшете:

– А ты что хотел, Терентий Иваныч? Мы целый месяц по тылам противника мотались.

Терентий Иваныч ласково гладил худые бока лошадей и приговаривал:

– Наголодались, бедные. Замордовал вас Ласточкин. Были бы вы не башкирских и донских кровей, то амба бы вам была.

Ласточкин был намного моложе ветеринара и относился к нему как к доброму, чудаковатому деду, каким, в сущности, и был Терентий Иваныч Чернозипунников.

– Лошадки на войне – дело такое, – сказал Виктор, стремясь сменить тему разговора. – Вот перед Отечественной, помню, говорили, что лошади своё в Гражданскую отбегали, что сейчас танки и машины всё заменят. А вот нет.

– Много бы ты по тылам находил со своей танкой! – засмеялся Чернозипунников. – А так мои лошадки прошли там, где техника не пройдёт, верно? И главное – тихо! Да что я тебе рассказываю!

Всех лошадей в эскадроне ветеринар Чернозипунников по праву считал своими. Сам разрабатывал кормовые смеси для них, лечил от болезней, проводил профилактические мероприятия, а несколько раз даже оперировал раненых скакунов.

Внезапно среди знакомых башкирских и донских лошадей Терентий увидел коня странной породы – вороного, с широким лбом, щучьим профилем и остроконечными ушами.

– Никак не наш? – удивился Терентий. – Уж больно на арабского похож! Где вы его откопали?

Он не успел выслушать рассказ Ласточкина, так как случился курьёз, о котором потом опытный ветеринар Чернозипунников вспоминал со стыдом. Он хотел подойти поближе к Виктору, но, споткнувшись о корень дерева, сделал неловкий и резкий скачок, оказавшись позади нового скакуна. Тот, испугавшись шума позади себя, со страху ловко выбросил задние ноги, попав Терентию прямо по лбу. Нелепо раскинув руки, будто готовясь улететь, Чернозипунников упал в сугроб, успев почувствовать, что вокруг стало происходить что-то непонятное.

Глава 3

Пётр Беляев ощутил себя лежащим в какой-то скрюченной, неестественной позе. Правая рука его была под спиной, одна нога подогнута, а вторая отведена в сторону.

– Бежал, гад! – в полузабытьи пробормотал Беляев, вспоминая, как во время допроса пленного бандеровца что-то случилось: резко не стало хватать воздуха, а потом...

Внезапно Пётр понял, что лежит не на полу своего и Василия Мухина кабинета, а в зарослях душистого чабреца. Он открыл глаза и, кряхтя, оглядевшись, сел. Кругом, насколько хватало глаз, была степь. Стрекотали кузнечики, шуршали в траве какие-то грызуны. В голубом, без единого облачка небе, покачиваясь, неподвижно висел орёл.

Беляев услышал стон и резко обернулся, сморщившись от боли в шее. В десятке метров от него лежал Василий Мухин, его друг и боевой товарищ.

– Это куда нас занесло? – прокряхтел Пётр.

Он встал и, пошатываясь, подошёл к Мухину, помогая ему подняться. Оба они некоторое время молчали, озираясь по сторонам.

– Пётр Николаевич, ты что-то понимаешь? – хрипло спросил Василий. – Может, этот бандеровец газ какой-то распылил, а мы того... концы отдали?

Он расстегнул ворот гимнастёрки и вытер пот со лба:

– Жарко то как. У нас январь, а тут лето!

Пётр усмехнулся:

– Мёртвые не потеют, Вася, так что живы мы. Помнишь, как мы в подземельях Тибета были и куда мы потом попали? Похоже, что и сейчас...

– Ну так там монахи ихние так заклинания читали, что мы в Древней Греции оказались, – отозвался Василий. – А сейчас то что? Не мог же этот бандит нас сюда отправить?

Беляев посмотрел на солнце в зените.

– Так... За спиной юг, впереди север. Наши на востоке. Для начала давай посмотрим, что у нас из вещей имеется.

Мухин огорчённо махнул рукой:

– Мой ППШ на столе лежал.

Беляев сердито плюнул:

– Олухи мы с тобой, Василий. А мой ТТ в кобуре на спинке стула висел. Но кто же знал, что всё так быстро случится... Будто свет выключили и включили. Ладно, что имеем?

Вскоре на расстеленном кителе Беляева лежали два НР 40, зажигалка, пачка галет, пригоршня патронов, две пачки папирос «Первомайские», катушка ниток, стопка сотенных купюр, несколько булавок, носовые платки, пузырёк йода и миниатюрная коробочка с дорожными шахматами.

Мухин повертел в руках деньги и невесело усмехнулся:

– Эх, только вчера зарплату дали. Что ж тут купить то на них сейчас...

Беляев окончательно пришёл в себя и снова стал тем, кем он был всегда, – собранным и серьёзным чекистом, который за свою жизнь попадал не в одну передрягу.

– Ножи, безусловно, самое ценное, что есть у нас. А вообще всё пригодится. Пошагали, Вася, на восток. Там разберёмся, где мы.

Товарищи, разобрав вещи и выкурив по папиросе, зашагали сами не зная куда, топча то кочки выгоревшей жёсткой травы, то заросли шиповника и барбариса.

Шагали молча. Каждый думал о своём. Василий горевал, что не успел дописать письма своей семье, разбросанной Великой Отечественной войной по разным частям Советского Союза. За все три года войны он только один раз смог выбраться в отпуск к матери и наве-

стить младшего сына Костю в суворовском училище. А Лиза и Мотька... С ними он увидится, видимо, только после войны. Эх, только бы дожить.

Василий улыбнулся, вспоминая одно из недавних писем сына.

«Как старший по званию, приказываю тебе, отец, быть живым, – писал сын Матвей. – То же самое и маме Лизе напишу!»

Дерзкий и независимый Матвей долго не мог решиться называть Лизу и Василия, усыновившего его в двенадцать лет, отцом и матерью. Им самим, Васе и Лизе, тогда было чуть больше двадцати. Лишь только после того, как в Крыму, во время отпуска, их лодка перевернулась в шторм, и Лиза чуть не утонула, а Мухин и Матвей, обезумев, ныряли до полного изнеможения, в Матвее будто что то щёлкнуло.

Пётр догадывался, о чём думает его друг, с которым они прошли огонь, воду и медные трубы. Вот только ему, Беляеву, писать некому. Так и не сложилась его личная жизнь. Первая жена умерла от испанки ещё в Гражданскую, а вторая нелепо погибла в начале тридцатых, попав под машину.

С тех пор Пётр зарекся от отношений, хотя его не раз распекали за это на работе: ну не может, не имеет права честный большевик быть бобылём! Пётр обычно отшучивался, говоря, что Мотька Мухин немножко и его сын тоже, так как он принял в становлении его судьбы самое непосредственное участие. Он и Нахим Фейгельман.

Нахим... Про него так ничего и не было слышно с самого ареста. На все запросы Беляев регулярно получал ответ, что всё засекречено и что не нужно совать нос туда, куда не надо. Странно всё это. А ещё страннее – куда их забросило на этот раз. Опять древний мир? Но тогда это сделали тибетские монахи, чтобы они получили допуск к супероружию.

Супероружие... Тоже большой вопрос. Неужели наши учёные так и не смогли разгадать секрет древних ваджр? Хотя... В том кровавом хаосе, который устроил Ежов, вполне могло случиться, что и учёных расстреляли, и оружие куда то дели. Неужели вся их экспедиция была напрасной? Как бы сейчас пригодилось всё то, что показывал им монах Таньба. А ведь немцы до сих пор надеются на какое-то чудо оружие.

Беляев вспомнил допрос немецкого агента и его рассказы о странной организации фашистов «Аненербе», где они тоже искали по миру древние манускрипты, рукописи и много чего ещё. Как очевидцы с Харьковщины рассказывали о странном месте, где видели абсолютно одинаковых людей в тех местах, где были немецкие передвижные лаборатории.

От грустных мыслей Петра отвлёк какой-то гул, доносившийся сбоку и становившийся всё громче и громче. Огромное стадо джейранов неслось, поднимая пыль, прямо на них.

– А-а! – закричал Мухин, маша руками, тщетно пытаясь напугать копытных, чтобы они изменили направление.

– Прыгай! – крикнул Беляев, увидев небольшой овраг, оставшийся от пересохшего русла реки.

Не дожидаясь, пока Василий сообразит, Пётр толкнул его и сам скатился на дно. Стадо с гулом промчалось по самому краю оврага. Несколько джейранов споткнулись и тоже скатились в овраг. Мухин успел ловко вскочить на спину одному из них и, прежде чем тот попытался с верещанием встать, широким и сильным ударом перерезал ему горло. Животное рухнуло на траву, орошая его кровью, а Мухин ещё одним ударом добил джейрана.

– Руки то помнят, Пётр Николаевич! – возбуждённо сказал перемазанный кровью Мухин. – Мы в Туркестане на таких охотились.

– С тобой, брат, с голоду не помрёшь, – засмеялся Беляев, помогая свежевать добычу. – Сейчас у нас шикарный ужин будет.

– Помирать никак нельзя, – серьёзно сказал Василий. – Банду Гуцула нужно прихлопнуть, Победу встретить и своих обнять.

Но с дровами вышла заминка. Добыть их оказалось сложнее, чем мясо. Маленькие деревца, похожие на иву, ни в какую не хотели гореть, предпочитая только шипеть и извиваться, как змеи. Пришлось собирать сухую траву и редкие ветки, подкладывая в костерок куски жира, которые не столько горели, сколько плавились.

Стало совсем темно. Перекусив полусырым мясом и галетами и напившись воды из ручья, друзья лежали на спине, глядя на мерцавшее мириадами звёзд небо.

– Как на новогодней ёлке, – мечтательно сказал Мухин. – Мы со своими в тридцать седьмом, в аккурат перед арестом, ходили... Эх-е... Где та ёлка, где мои соколики...

Беляев не услышал последние слова друга, так как уже крепко спал.

Глава 4

«Кия, твой брат в плену. Он ждёт твоей помощи».

Эти слова звенели в голове Лизы, будто колокол. Она открыла глаза и, осмотревшись, чуть не вскрикнула. Да и как тут не заорать, если секунду назад она вела бой где-то недалеко от Вислы, в зимнем польском лесу, а теперь сидит в позе Будды на вершине кургана, и над ней сияет летнее солнце.

Лиза оглянулась и поняла, что опирается спиной о каменного истукана в рост человека. Точно такой же, только размером с палец, находился во внутреннем кармане её полушубка. Она встала и заглянула в пустые глазницы грубой статуи. Именно здесь они расстались с Кшатрой и Феодосией больше двадцати лет назад... Больше двух тысяч лет назад. Кто же теперь разберёт... Но то, что она здесь... Кшатра в беде. Но чем может помочь она, простая русская женщина, своему названому брату?

Лиза ощутила, что по спине бежит пот. Она поспешно скинула с себя ушанку, полушубок и валенки. Уф... Жарко то как... И где ей искать Кшатру? Он сам всегда её находил, а теперь, выходит, ей нужно не только найти брата, но и выручить, как он выручал Лизу и её друзей во время экспедиции на Тибет.

Она опасливо дотронулась до каменного истукана, отшлифованного временем, и спросила дрожащим голосом:

– Папай, где искать твоего сына?

– А я почём знаю! – неожиданно раздался сердитый голос.

Лиза, как ошпаренная, подскочила на месте и рванула кобуру пистолета.

– Кто здесь?!

С противоположной стороны холма показался Терентий Чернозипунников. Он лез на вершину кургана на четвереньках, будто собирался боднуть Папая за то, что тот оторвал его от неотложных дел. Ветеринар поминутно трогал лоб, на котором алела огромная шишка.

– Вот так встреча! – ахнула Лиза. – Дядя Терентий...

В последний раз они виделись в тридцать восьмом, во время очных ставок. Но Терентий для следствия был чист как слеза: ветеран Гражданской, хороший специалист. Да и о том, что на самом деле добывала экспедиция в Лхасе, он не знал.

А до этого Лиза видела его только в экспедиции. Но как этот рыжий, ворчливый, но добрый дядька ветеринар оказался здесь? Ведь она никому не говорила о своём секрете! Даже Васе!

Чернозипунников сам был ошарашен не меньше Лизы. И если Лиза уже когда-то была тут, то для Терентия всё происходящее было каким-то сном.

– Лизка! – крикнул он. – Мы где? Зачем? А где кони? А где хлопцы?

Лиза оглянулась в поисках хлопцев и коней. Но вокруг по-прежнему было пусто, лишь где-то в траве пищали грызуны.

Лиза и Чернозипунников, несколько придя в себя, обнялись.

– Всё такая же красавица, – растроганно сказал Терентий, глядя на неё. – Что в двадцать четвёртом, что сейчас.

Сам Чернозипунников заметно сдал, стал более грузным и, как выяснилось позже, ещё более ворчливым.

– Вы тоже молодцом, – улыбнулась Лиза.

– Да куда там, – уныло махнул рукой Чернозипунников. – Старею, хорошо хоть при деле.

Он, морщась, потрогал шишку на лбу.

– Это получается, меня та коняка так звезданула, что у меня ум за разум? – больше сам себя спросил ветеринар, вспомнив, как лягнул его жеребец. – А ты что тут делаешь?

Лизе одновременно стало легче от того, что она не одна, но в то же время она не могла понять, для чего тут оказался Терентий. Она поднялась, убирая револьвер. Мысли путались. И куда теперь? Что сказать дяде Терентию? И можно ли говорить?

– Может, мы умерли? – тоже продолжал вслух думать Чернозипунников. – Но на рай и ад не похоже. И потом, у меня башка гудит, будто мне наркомовских на месяц вперёд выдали.

– Я думаю, дядя Терентий, что это такой особый мираж, типа того, что мы в пустыне встретили, помните? – наконец сказала Лиза, решив на всякий случай пока ничего не говорить Чернозипунникову. – Больше у меня объяснений нет.

– И когда этот мираж кончится? У меня трёх лошадок лечить надо после рейда! Да и вообще! Это ж трибуналом пахнет!

Ветеринар увидел, что около истукана лежит целая охапка веток и травы. Он быстро достал зажигалку. Лиза забеспокоилась.

– Дядя Терентий, вы чего делать собираетесь?

– Подпалю, чтобы сигнал дать!

– Кому? А вдруг немцы?

Терентий почесал свои рыжие, начавшие седеть волосы.

– Так... Тут лето... Степь... Я таких баб каменных в Крыму видал. Крым мы в сорок четвёртом ещё отбили. Какие тут немцы...

Однако он не стал зажигать огонь, а, прикурив папиросу, нерешительно сказал:

– Что ж тогда тут до окончания войны сидеть? Вот тогда СМЕРШ нас точно за жабры возьмёт, и не отбрешемся. Айда. Авось куда то придём.

Лиза медлила. Она решила вспомнить каждую секунду перед тем, как её перенесло сюда. Молодой лейтенантик крикнул, что дозор напоролся на немцев, череда миномётных разрывов, она упала на правый бок, ощутив, как ожил Папай, и, вспомнив о муже, Мотьке и почему-то о Беляеве и Чернозипунникове...

Стоп! А что, если эта штука переносит вместе с собой тех, о ком ты подумал?! Тогда всё сходится! Значит, где-то поблизости Вася, Пётр Николаевич Беляев и Матвей! Нужно скорее их найти!

– Дядя Терентий! – крикнула она, вскакивая. – Нужно идти, наверное, тут наши рядом!

– То не делай, то делай, то иди туда, – буркнул Чернозипунников. – Будто бы не ты, а баба моя тут оказалась.

Он докурил папиросу, и они спустились с кургана. Небо было укутано тяжёлыми и серыми, будто мартовские сырые сугробы, облаками.

Но не прошли они и пары километров, как за спиной, на кургане, от которого они начали свой путь, показался дым, который всё усиливался.

– Что такое? – удивился Чернозипунников, как Илья Муромец на картине, прикладывая к переносице ладонь. – Никак поджёг кто?

– Кто! – в отчаянии крикнула Лиза. – Да это ты и поджёг, дядя Терентий! Окурок не затушил!

– А чего ж ты только сейчас сказала?! – сварливо отозвался Терентий. – Вот ты во всём и виновата! Пошли быстрей отсюда.

Дым от костра поднимался ввысь, образуя большой вопросительный знак, который таял на глазах.

– Ну вот, ничего и не случилось, – сказал Чернозипунников, оборачиваясь. – Трусиха ты, Лизка, не то что мужики твои – Васька с Мотькой. Как они у тебя?

– Воюют, как у всех, – отозвалась Лиза. – Матвей в Прибалтике, Вася на Украине. А у вас как?

– Да тоже, слава богу, все живы. Старший под Ленинградом водителем, а младший на заводе вместе с матерью, мины точат, – отозвался Чернозипунников.

Он хотел ещё что-то рассказать о своей жене, на которую очень любил жаловаться, как на горизонте появились маленькие чёрные точки, которые быстро увеличивались в размерах.

– Немцы! – крикнул Чернозипунников, суетясь. – А у меня и оружия никакого, и не спрятаться...

Лиза вдруг не вовремя вспомнила, как они вместе с эллинкой Феодосией бежали по этой ровной, как стол, степи, спасаясь от пожара, как их обгоняли лисы и косули...

Кто скачет к ним? Греки? Скифы? А может быть, на самом деле, фрицы? Все представляют опасность, и неизвестно, кто больше. У неё шесть патронов в револьвере...

Всадники тем временем стали охватывать их полукольцом. Было уже ясно, что беглецам не уйти.

– Лизка, четверых вали, – прохрипел Чернозипунников. – А два последних – нам. Я в плен не хочу!

Он снял ремень и, свернув его, приготовился выступить в последний бой.

Глава 5

Сонный городишко Александрия Бактрийская жил своей, по восточному неторопливой жизнью. Войска Александра Великого ушли далеко, оставив в городе сильный гарнизон. Но воевать в открытую с железными, привыкшими к жестокости и дисциплине фалангами Искандера Двурогого было уже некому. Часть племён не только покорилась пришельцам, но и пошла к нему на службу, часть ушла в горы, и только где-то в далёких степях Великой Скифии зрело сопротивление. Саки, массагеты, сколоты и парфяне хоть и враждовали между собой, но не желали ни повиноваться, ни пропускать пришельцев через свои земли к своему главному городу Гелоносу.

По улицам Александрии Бактрийской, вымощенным свежим булыжником, степенно шагали ослы. На башнях города, изнемогая от жары и безделья, стояли несколько воинов, всматриваясь в красноватую степь. Стайки служанок в светлых, украшенных орнаментом по краю хитонах, не особо торопясь, сплетничали около родника. Недалеко от них старый тощий раб, сидя, осоловело дремал в тени на обломке камня.

– Знаете новость? – шёпотом сказала одна из служанок, смуглая стройная спартанка.

– В соседнем городе Эвтихии поймали скифов. Да каких страшных!

– Говорят, что их вождь Кшатра может превращаться в кого угодно и появляться где угодно, – боязливо отозвалась вторая, почти ребёнок, с худенькими детскими плечами.

– А я слышала, что они все настолько волосаты, что могут спать голые на снегу, – вставила третья, рыжая спартанка с плутоватыми глазами. – И что ещё они...

Она прильнула к подругам и, как делают это женщины во все времена, что-то зашептала им, после чего все трое, краснея, расхохотались.

Внезапно они замолчали, поражённо уставившись на обломок камня, где спал раб. Теперь он был не один. Буквально из горячего воздуха рядом с ним появился странный мужчина в такой необычной одежде, какую девушки не видели за всю свою жизнь. В руках он держал тарелку и деревянную ложку. Казалось, он тоже был чрезмерно удивлён.

– А-а-а! – завизжали все три девушки, опрокидывая лекифы с водой. – Скифы! Скифы в городе! Помогите!

Служанки, забыв всё на свете, опрометью бросились наутёк.

Раб проснулся и тоже оторопело уставился на своего соседа, хлопая белыми, как у свиньи, ресницами.

Матвей Мухин, а это был он, выронил чашку с едой, оглядываясь по сторонам. Раб, не дожидаясь, чем всё кончится, тоже припустил по горячим плитам городской улицы, едва не потеряв набедренную повязку.

– Мать честная, – озадаченно сказал Мухин. – Это чем меня таким литовцы накормили?

Он потряс головой, но видение не только не исчезло, а, наоборот, властно заявило о себе. Камень, пущенный из пращи, больно оцарапал щёку, а второй попал в плечо. Матвей пошатнулся, расстёгивая кобуру пистолета, но успел только вытащить оружие. Ещё один меткий булыжник, пущенный искусным пращником, ударил в висок, и перед глазами подполковника всё поплыло.

Матвею показалось, что он снова беспризорник, волею судьбы попавший в далёкий Туркестан, и что он снова ворует у зазевавшихся покупателей вещи. И что сейчас его будут бить – либо покупатели, либо барчуки, хозяева рынка, а может быть, и те, и другие.

Кто-то и в самом деле толкнул Матвея в грудь, но он, чудом устояв и уже не успевая снять с предохранителя ТТ, не глядя, наотмашь ударил врага рукояткой.

Матвей очнулся, чувствуя себя связанным по рукам и ногам. Он лежал в каком-то сарае. Голова гудела, а верёвки больно впивались в тело. Но это было ещё не всё: из одежды на нём были только кальсоны.

– Ну и кино, – промычал он, пытаясь собраться с мыслями. – Если я умер, то почему так всё болит? Если я жив, то куда я...

Дверь заскрипела, и в сарай вошли два воина в белых туниках, гривастых шлемах, вооружённые короткими мечами. Один из них развязал Матвея.

– Идём, скиф, – коротко сказал второй. – И не вздумай врать, когда тебя будут допрашивать.

Матвея будто окатили водой. Где же он видел такие же доспехи, шлемы, лица? В пустыне перед городом Кашгаром! Только тогда это всё оказалось какой-то хитрой коллективной галлюцинацией – по крайней мере, так говорил профессор Игорь Карлович Ульфсон. А сейчас... Сейчас он прежде всего понимал, ЧТО говорит этот воин. Интересно, а воин его поймёт?

– Уважаемый, я не скиф. Я подполковник Красной Армии, – как можно более внушительно сказал Матвей.

– А говорит, что не скиф, – хохотнул напарник воина. – Только у скифов могут быть такие варварские непонятные имена. «Подполковник»... Клянусь Зевсом, только не говори, что ты из далёких стран и что у нас ты оказался случайно. Ну ничего, сейчас тебе быстро язык развяжут.

Он резко толкнул Матвея в шею, и тот вышел на улицу. Несмотря на боль, Матвей вовсю вертел головой. Вот это номер!

Улицы, мощёные белыми известняковыми плитами, тенистые аллеи, а главное – люди! Множество людей в древних красивых одеждах. Вот только почему они так враждебно к нему относятся?

Несколько молодых мужчин, увидев процессию, начали зубоскалить:

– Вы только взгляните на одеяние этого дикаря!

– Два мешка из-под лука, надетые на ноги, – вот самая последняя скифская мода.

Компания загоготала, показывая на Матвея пальцами. Сами молодые люди были в белоснежных хитонах с большими нарядными пряжками фибулами на плечах. Матвей невесело усмехнулся. При других обстоятельствах он бы доходчиво всё объяснил этим молокососам, но сейчас...

Они миновали портик и оказались в небольшом зале, где на складном стуле, развалясь, сидел грузный мужчина, читая какой-то свиток. Рядом с ним на столе лежала форма Матвея, его сапоги, фуражка, ремень и пистолет.

Мужчина отложил папирус и внимательно сказал, глядя в глаза Матвею:

– Рассказывай всё без утайки, о варвар. Кто ты и откуда? Что это за странные предметы? Ты колдун?

Пока он это говорил, Матвей лихорадочно соображал: что сказать этим древним грекам? Эх, добираться бы до оружия!

– Я не колдун. Я из могущественной страны, где люди летают по небу и стреляют невидимыми стрелами. Если не верите, я могу показать.

– Ну нет, – засмеялся мужчина. – Варвары – народ подлый, поэтому мы применим пытку. Когда в тебя войдёт раскалённая игла, ты расскажешь всю правду, а не то, что взбредёт тебе в голову.

Он обратился к воинам:

– Отведите его к Никомаху. Только, во имя Афины, пусть не убьёт его. А после принесите мне пергамент с записью всего, что он рассказал. Я не собираюсь лицезреть, как этот вонючий варвар будет вопить от боли, когда у него будут вырывать куски мяса.

– Сам ты варвар! – не стерпел Матвей. – Фашист проклятый!

Мужчина не понял значения слова, но по интонации догадался, что пленный сердится.

– И скажите Никомаху, чтобы он не перестарался, – сказал мужчина. – Этот бродяга может рассказать много интересного.

– Я это могу сделать и без пытки!

Но его уже никто не слушал.

Матвею снова дали затрещину, и он поплёлся впереди воинов. Они спустились в какое-то подземелье, где его приковали к стене.

– Ну, жди Никомаха, подполковник, – с усмешкой сказал один из воинов. – Не завидую я тебе.

Они вышли, а Матвей с тоской посмотрел на маленькое решётчатое оконце в стене, почти под самым потолком. Где-то там ходили беззаботные жители города. Он даже слышал их голоса. И понимал!

Вот старческий:

– Опять оливковое масло подорожало! Чтоб этот жирный продавец Аквилий сдох и отправился в Аид!

Мужской молодой бас:

– Преподавать в палестре у нынешних оболтусов – да ещё за такую плату...

И вдруг Матвей услышал звонкий женский голос:

– Лиза, не ходи туда! Что за несносная девчонка, клянусь Герой!

Глава 6

Всадники приблизились настолько, что Лиза теперь поняла: это скифы. В кожаных и холщовых доспехах, цветастых, заплатанных штанах и островерхих шапках. У некоторых были кольчуги. Лиза держала наготове револьвер. Не хотелось бы начинать своё знакомство с местными с конфликта, но если придётся.

– А вот и добыча! – радостно загоготал один из них, худой старик с белой козлиной бородкой и в богатой наборной кольчуге-катафракте. – Хорошая добыча! Девка моя, а шубу я вам дам. И впридачу вот эту толстую рыжую обезьяну.

Всадник снял свой колпак с меховыми наушниками, и солнце блеснуло на его лысине.

Чернозипунников даже не удивился, что понимает, что говорят эти бродяги, – настолько он был разгневан.

– Ах ты козёл плешивый! – вскипел он, вертя ремнём с тяжёлой пряжкой, как кистенём. – Ну подойди, попробуй. Сейчас наш эскадрон прискачет – в капусту вас искрошит!

Кто-то из толпы пустил стрелу, и она пропела буквально с сантиметра от уха Терентия, загораживающего собой Лизу.

Она выстрелила в воздух, но выстрела больше испугались кони, чем всадники.

– Боги, что за невидимые плети у этих бродяг! – крикнул молодой всадник с круглым щитом за спиной, успокаивая лошадь, которая шарахнулась в сторону.

– А вот сейчас узнаем! – азартно крикнул старик.

Он схватил аркан, и не успел Терентий опомниться, как его захлестнула волосяная петля. Чернозипунников тщетно пытался освободиться, а всадник уже собирался ударить пятками в бока коня, чтобы поволочь этого наглого бродягу по степи, чтобы он кричал от боли и оставлял за собой в траве борозду.

– Стойте! – закричала Лиза.

Она, повинуясь какому-то непонятному ей чутью, выскочила из-за Чернозипунникова и, вытащив из кармана гимнастёрки Папая, высоко подняла его над головой. Реакция на каменную статуэтку была почище, чем на пистолетный выстрел. Поражённые скифы замерли, после чего у них вырвался вздох благоговения. Даже лысый старик, который уже собирался пустить коня вскачь, во все глаза смотрел на Лизу.

– Сестра Кшатры? – удивлённо воскликнул молодой скиф в богатом одеянии со щитом за плечами. – Кшатра говорил нам, что помощь придёт от девушки-воительницы по имени Кия. И в руках у неё будет Папай, точно такой же, как у него!

– Да, я ищу своего брата Кшатру, – в отчаянии крикнула Лиза. – Это он дал мне! Кия – это я!

Всадники поспрыгивали с коней и подошли к Лизе с Терентием, который уже выпутался из аркана.

– Басурман, – погрозил он кулаком старику, который всё ещё таращился на Лизу, забыв про свою добычу.

Лиза мало что поняла из рассказа молодого скифа, но она была поражена тем, с каким почтением все отнеслись к ней.

– Меня зовут князь Тохар, – сказал молодой. – Я сын погибшего князя Борака. Садитесь на коней. К вечеру мы будем в нашем городе. По пути я всё расскажу тебе.

Терентий, понявший ещё меньше Лизы, усвоил одно: что смертоубийства не будет и что эти оборванцы отчего-то вдруг здорово зауважали Лизку. А значит, и он не пропадёт. Ну а с этим козлобородым старым пердуном, опутавшим его верёвками, как паук, он ещё поговорит.

– Агим, дай Кие и её спутнику своего заводного коня, – приказал Тохар старику. Тот, видимо, не горел желанием сделать это, но подчинился, злобно зыркнув на Терентия. Тот сокрушённо осмотрел худого низкорослого жеребца.

– Довели коняку, ироды, – буркнул он. – Глаз вон слезится, конъюнктивит наверно, язвы на боку. Тьфу!

Тохар что-то гортанно крикнул, и отряд поскакал обратно, откуда приехал. Мимо проплыл знакомый курган, где всё ещё чуть дымил костёр. В середине отряда скакали они – Лиза Мухина и Терентий Чернозипунников – пришельцы из 1945 года. Лиза оглянулась на большого Папая и, достав своего, маленького, вдруг вспомнила «Приключения Тома Сойера», где он кидал шарик и приговаривал: «Брат, найди брата». В конце концов что-то прояснилось, а главное – они нашли соплеменников Кшатры, которые даже про неё знают.

***

Василий Мухин не стал будить своего командира, уснувшего у потухающего костра. Он накрепко прикрутил нитками и жгутами травы к одной из веток потолще нож и с этим импровизированным копьём выбрался на край оврага, всматриваясь в темноту. В траве попискивали мыши, доносилось шуршание, где-то далеко погрохатывал гром. Было душно. Под утро Василий несколько ослабил бдительность. Он закурил и стал делать гимнастические упражнения, чтобы прогнать сон, размышляя, разбудить или нет Беляева, чтобы тот сменил его.

Внезапно едва слышный шорох отвлёк Мухина. Он оглянулся, и в тот же миг на него накинулись три тени, сумевшие подобраться так близко, что услышал он их в последний момент.

– Пётр Николаевич, тревога! – успел рявкнуть Василий, прежде чем на шею ему сзади накинули ремённую петлю.

Но Мухин не собирался сдаваться. Он резко мотнул головой назад, почувствовав, как затылок его ударился обо что-то твёрдое.

Раздался сдавленный крик, и удавка ослабла, но ещё два человека вцепились в него спереди. Мухин хотел позвать на помощь снова, но в рот ему стали пихать ком какой-то кислой травы.

Но Беляев услышал крик с первого раза. Он вскочил и, выхватив нож, бросился на зов товарища. На краю оврага кипела драка. Нападающих было уже около десятка. Причём двое лежали без чувств. Пятеро или шестеро навалились на извивающегося Мухина, который, ругаясь, вцепился в горло одного врага руками.

На Петра бросились сразу двое, но работа с «волкодавами» СМЕРШа кое-чему его научила. Он увернулся и, помня технику ножевого боя, провёл сразу серию двойных ударов ножом, подкрепив их ударами ногами. Один из противников молча рухнул в траву, а второй, обливаясь кровью, с криком отскочил, держась за грудь.

Мухин воспользовался заминкой, снова вывернулся из кучи-малы и, схватив копьё, принялся им размахивать, пробираясь к Петру, чтобы, как в детских драках, встать друг к дружке спинами.

Где-то совсем рядом раздался истошный вопль: «Лучники, к бою!» В сотне метров Пётр увидел новые силуэты.

Первая стрела впилась ему в левое плечо, вторая неминуемо должна была вонзиться прямо над сердцем, но отскочила от ордена Славы. В Василия тоже попало две или три стрелы, хотя и пущенных с далёкого расстояния, но всё же впившихся достаточно глубоко. Мухин пошатнулся и упал на колени. Сопротивление было сломлено.

– Сын шакала! – рычал бородатый воин в кожаных штанах и безрукавном жилете на голое тело, пиная связанных Беляева и Мухина. – Двоих наших уложили и двоих ранили. Я лично вырежу вам глаза и продам согдам, чтобы вы до конца жизни взбивали кумыс в их юртах!

– Не скажи, Леонидас, – тяжело дыша, возразил ему второй. – Это хорошие воины. Невыгодно портить такой товар.

Пленников подняли и пинками погнали вперёд. Вскоре оказалось, что это был только небольшой македонский отряд разведчиков, наткнувшийся в степи на двоих странно одетых бродяг.

Расцвело. И Василий с Петром, оглядываясь, смотрели на то, что не видели двадцать лет. Гривастые, развевающиеся на ветру шлемы, всадники в блестящих латах, лес копий – сарисс над их головами.

– Похоже, опять мы с этими интервентами, – буркнул Пётр, зажимая рану в плече. – Но зачем сейчас-то мы тут? Неужели опять какое-то задание?

Он даже оглянулся, надеясь увидеть тибетца Таньбу*.

– Я больше воевать за них не буду, – прошамкал Василий окровавленным ртом.

Начальник отряда с удивлением рассматривал вещи пленников, которые один из разведчиков почтительно поднёс ему на щите. Он долго глядел на орден Беляева и на маленькие шахматы, потом сказал:

– Странные вещи. Колдуны они, что ли... Сейчас их допрашивать нет времени. Возвращаемся в Эвтихию. Там, говорят, на днях тоже наловили какого-то скифского сброда.

Глава 7

Израненные и избитые, Василий и Пётр шагали в окружении всадников.

Вскоре к пленным добавили ещё двоих человек – смуглых мужчин в ярких, но ободранных одеждах. Бороды их были выкрашены по персидскому обычаю хной. Новые пленники с удивлением посмотрели на необычное одеяние Мухина и Беляева.

– Кто вы? – спросил один из них – молодой парень, правый глаз которого был подбит и заплыл.

Беляев опять огляделся в поисках Таньбы, надеясь, что тот сейчас подскачет к ним и расскажет, почему они опять перенеслись с Западной Украины в какие-то степи с древними греками и что нужно сделать, чтобы вернуться домой. Он даже не особо удивился, что понимает речь и эллинов, и вот этих товарищей по несчастью.

– Люди мы, – буркнул Беляев, – из... издалека. Греки на нас напали.

– Вам повезло, – усмехнулся второй пленник.

Голова его была перевязана матерчатым поясом, из-под которого сочилась кровь. Он с ненавистью посмотрел на всадников и начал рассказывать:

– Мы купцы из Бактрии. Я – Дамир, а это Юсуф. Мы поехали в Великую Скифию торговать с саками и сколотами. Но по пути нас ограбили. Сначала массагеты, потом парфяне. Но даже эти разбойники нам кое что оставили.

Он злобно плюнул в сторону македонцев:

– А эти яваны, как прожорливая саранча, обобрали нас до нитки, забрав весь товар! А когда мы вступились за его остатки, нас побили и забрали с собой, пообещав продать в рабство в Эвтихии.

Юсуф внимательно посмотрел на Мухина с Беляевым:

– А вы? По одежде вы похожи на шаманов не то из Индии, не то из Аравии. А по внешности – вылитые яваны. Как вас звать?

– Памфилос, – вспомнил Пётр своё имя, которым его называли, когда он двадцать лет назад первый раз оказался в окрестностях персидского города.

– Кальяс, – добавил Мухин, вспомнив и своё имя, и добавил: – Да, мы из Индии, из... Кашмиры.

– Ойе! – уважительно сказал Дамир. – В Кашмире много хороших купцов, воинов, и раджа там справедливый. Чего же вы тут забыли? Тоже торговали?

– Да, – согласился Пётр, радуясь, что не надо ничего придумывать. – В следующий раз расскажу об этом подробно.

– В следующий раз! – захохотал Юсуф. – Ты думаешь, Памфилос, что будет следующий раз?

– Эй, молчать! – крикнул ехавший рядом с ними всадник.

Вскоре показался город, где на пленников, глазея, смотрели зеваки. Несколько злобных подростков, гогоча, принялись швырять в идущих круглые лепёшки навоза. Юсуф и Дамир угрюмо отворачивались, а Пётр и Василий, несмотря ни на что, с любопытством смотрели на узкие улочки, домики, мастерские и харчевни. Вот примерно такой городишко брали они штурмом двадцать лет назад вместе с греками.

Охранник завертел колесо, открывающее вход в зиндан. Пахнуло нечистотами. Всех четверых грубо столкнули вниз. Охая и потирая раны, пленники растянулись на земле.

– Сыны Аримана! – простонал Дамир. – Нужно было остаться со скифами.

Тюрьма представляла собой яму с небольшим углублением в углу. Несчастные пленники тут же ели и тут же справляли свои естественные надобности. Беляев и Мухин, сморщившись, закрыли носы.

Зиндан оказался обитаем. В нём сидело с десяток полуголых, грязных людей со сверкающими безумными глазами. Один из пленников подошёл к Юсуфу и бесцеремонно потрогал его длинную рубашку из лилового шёлка.

– Снимай, – приказал он.

Бактрийские купцы оказались не робкого десятка. Юсуф откинул руку подошедшего и оскалил крепкие волчьи зубы:

– Скунс вонючий, не прикасайся ко мне!

К спорившим подошли ещё трое – такие же грязные и оборванные.

– Мы сидим в этой яме уже три месяца, – прорычал один из них. – Нас плохо кормят, а вашу одежду мы сменяем у охраны на просо и воду. Мы, клянусь Ахурамаздой, поделимся с вами.

Ещё один подошедший сказал с плохо скрываемой угрозой:

– Мы теперь собратья по несчастью. Поделитесь с нами. Просим пока по-хорошему.

Он посмотрел на одежду Петра и Василия:

– Вас это тоже касается. Раздевайтесь.

– Чтобы мы, благородные купцы, стали собратьями с ворами и бродягами? – разозлился Дамир. – Нас грабили массагеты и парфяне, нас обчистили яваны, а теперь и вы?!

Беляеву не нравилась заносчивость этих двух торговцев, но и наглость этих тюремных уголовников, которые решали, что и кому делать, ещё больше пришлась не по нутру.

– Эй, друг, раз мы все пленники, то и вести себя нужно по-человечески, – сказал он как можно внушительнее.

– Урки во все времена одинаковые, Пётр Николаевич, – прошептал Василий.

Оба они – Мухин и Беляев – были крайне потрёпаны схваткой. У Василия в груди было несколько кровоточащих ран от наконечников стрел, а Пётр держался за плечо, кое как перевязанное тряпками.

– Тебе чего надо? – с блатными интонациями, которых он наслушался на работе, рявкнул Мухин. – Я псих, сумасшедший, я за себя не отвечаю! Я троих яванов уработал! Я вам щас такую одежду покажу!

Мухин безошибочно определил, кто из компании старожилов вожак, и, подскочив к нему, со стоном – ибо кровь из ран продолжала сочиться – ударил того кулаком в челюсть. Старожилы оторопели, не ожидая от новеньких такой прыти.

– Стоять! – гаркнул Пётр на остальных, хотя никто и не пытался их атаковать. Вожак старожилов ворочался на утоптанном земляном полу.

– Не лезьте к нам и нашим друзьям – убьём! – вразнобой крикнули Юсуф и Дамир, почувствовав поддержку.

Наверху послышался шум, и рядом с Беляевым упал большой булыжник.

– Если не успокоитесь, – раздражённо заорал охранник, – буду кидать не камни, а стрелы в ваши тупые головы!

Старожилы уселись, поджав под себя ноги, а их вожак, оклемавшись, молча и злобно смотрел то на новеньких, то на своих, испугавшихся броситься к нему на выручку.

Пётр и Василий устало сели на пол, прислонившись к стене, Дамир и Юсуф сели рядом, настороженно посматривая на старожилов.

– Эй, чужеземцы, – вполголоса сказал Юсуф, – помогите нам выбраться отсюда, мы заплатим вам столько дариков, сколько попросите!

Он с мягкой силой убрал руку Мухина, которой тот зажимал рану на груди, и снял с шеи крохотный деревянный сосуд на шнурке.

– Единственное, что у меня осталось и что не догадались отнять глупые яваны. Это чудодейственное зелье из крыльев летучей мыши и зубов шакала. Втирай в раны, Кальяс, и другу твоему дай.

Мухину вовсе не прельщало втирать толчёные зубы и крылья всякой нечисти, но делать было нечего, тем более что он совсем ослабел от потери крови.

– Передовая медицина, Пётр Николаевич, – заплетающимся языком сказал Мухин, – как... на Тибете.

Беляев поблагодарил и, взяв у Юсуфа сосуд, принялся обрабатывать раны Василия, который потерял сознание.

Через несколько часов сверху на пол свалились несколько кусков хлеба и две или три рыбины, которые, видимо, были протухшие, ибо вонь от них едва не перебивала вонь от отхожего места. Старожилы настолько быстро всё это схватили и съели, что ни Беляев, ни его новые товарищи не успели ничего взять.

– И эти люди что-то говорили о справедливости, – возмутился Пётр.

– Разбойники жадны, жестоки и за кусок хлеба перережут тебе глотку, – наставительно сказал Дамир. – Уж поверь купцу, путешествовавшему от Крита до Гирканского моря.

Ещё через несколько часов решётка вверху противно заскрипела, поднимаясь, и в зиндан спрыгнули ещё три пленника. Один из них, дюжий бородатый воин, угрюмо сказал:

– Мы саки из Великой Скифии. Меня зовут Кшатра. Если вы попробуете тронуть нас пальцем, мы перегрызём вам глотки.

Глава 8

Матвей попытался дотянуться до окна, но об этом нельзя было и думать: цепь, которой он был прикован к стене, была слишком короткой.

– Странное имя для Древней Греции – Лиза, – пробормотал Матвей. – И зовут как мать. Совпадение? Тогда в пустыне они встретились с греками или эллинами, пёс их разберёт, а потом, на Тибете, Лиза, которая ещё не была ему матерью, что-то туманно говорила ему полунамёками о том, где и как побывали Василий и она сама... Ох... Странно всё это. Но сейчас... Сейчас его придут пытать. Уж что что, а пытать древние умели, делая это со вкусом и разнообразием. Не хуже фашистов.

За время, проведённое на фронте, Матвей насмотрелся всякого и всякий раз сам себя спрашивал: «А я смогу?» Он горько усмехнулся. Сейчас и проверят. Но ничего. Он советский человек, офицер. Через что прошла Зоя и тысячи других людей – не сломались. Нужно быть достойным их памяти. Ещё порубимся. Но всё же... Что же это за Лиза такая?

Дверь в подвал открылась, и вошёл дюжий палач в кожаном фартуке в сопровождении худого, как щепка, писаря и какого-то не то воина, не то чиновника с вытянутым, как у лошади, лицом. Матвей почувствовал, что от палача крепко разит вином, а его бычьи, навыкате глаза были красными, как сапоги лошадиномордого.

Писарь сел за маленький складной столик, достал несколько свитков папируса, палочку и сосуд с чернилами, приготовившись слушать вопли истязаемого и записывать всё, что тот расскажет.

– Никомах, работай, – прикрикнул лошадиномордый, развалившись в хлипком кресле, которое внесли рабы.

Палач, пыхтя, снял цепь и, втолкнув Матвея между двух столбов, привязал его поднятые руки тонкими ремешками.

– Расскажи, подполковник, что тебе сказали сделать скифы в нашем городе? – зевая, спросил воин. – Поджечь амбары с зерном? Или отравить лошадей и пересчитать количество солдат? Где ты взял такую одежду и амулеты в виде звёзд с таинственными письменами? Ты колдун?

Палач молча указал на татуировку Матвея – пятиконечную звезду и надпись полукругом: «Воспрянет род людской».

– Колдун, – удовлетворённо протянул мордатый. – Работай, Никомах.

Палач с оттягом хлестнул по голой спине Матвея длинным бичом. В голове будто разбилась электрическая лампочка, и её осколки больно ранили мозг и глаза, из которых выступили слёзы.

Матвей заскрипел зубами. Он понимал, что от него требуют не правды, а того, что сами хотят услышать. «Суки! Сейчас бы мой танковый батальон – раскатали бы этот сраный городишко в блин!»

Матвей вдруг почувствовал, что одна кисть неплотно привязана к столбу: он что есть силы напряг мышцы, когда пьяница палач привязывал его, видимо, решив, что тощий скифский лазутчик не убежит. Тем хуже для палача. Пьянство на работе ещё никогда и никого не доводило до добра. Матвей вспомнил, как трое танкистов из соседнего батальона недавно напились и утопили свой Т 60. Всем троим военная прокуратура присудила штрафную роту. Поделом.

Матвей решил сменить тактику. Лучше погибнуть в бою, а не как баран под ножом палача. Тем более у него есть шанс.

– Да, меня послали... скифы. А перед этим я прошёл... э... курсы колдовства, – удивляясь тому, что он несёт, начал говорить Матвей. – Я прибыл в ваш город и уже отравил два колодца и... хотел поджечь амбар, но... Тут меня и взяли. Я умею колдовать...

Писарь старательно скрипел своим стилусом, не глядя на наказуемого.

– Очень хорошо, – довольно сказал лошадиномордый. – Никомах, а теперь коснись раскалённым железом тех букв, которые написаны на его шкуре, а мы посмотрим, что из этого выйдет.

Палач достал из костра, горевшего в углу, клещи, в которых был зажат раскалённый почти добела крюк замысловатой формы. Матвей почувствовал, как руки его и весь он сам покрылись потом, а из рассечённого запястья сочилась кровь. «Ничего! Легче будет выскользнуть».

Никомах подошёл с клещами к Матвею. Палач не рычал, не орал – вид его был даже где-то добродушен. Он просто делал свою работу, а в перерывах, видимо, подбадривал себя чашей другой вина.

Матвей ощутил, как к нему приближается эта раскалённая железяка – прямо в центр пятиконечной звезды, такой же, как у его отца, Василия Мухина.

Он резко дёрнул правой рукой, освобождая её, перехватил руку Никомаха и одновременно с этим боднул его головой в переносицу. Раздался хруст сломанного носа, и палач тучным и вонючим мешком рухнул около станка, к которому Матвей всё ещё был привязан. Но теперь в руке у пленника оказались клещи с раскалённой железякой, которые Матвей успел перехватить у падающего. Пережигаемые верёвки, связывающие ноги, зашипели, будто гады. Осталась левая рука!

Лошадиномордый тоже потерял несколько секунд, тараща глаза на непонятно как освободившегося скифского лазутчика. Но, оправившись, схватил короткий меч, лежавший на столе писаря, и бросился на Матвея, который что есть силы пытался пережечь последнюю верёвку, державшую его у столба. Увидев, что не успевает, Матвей швырнул в подбегавшего лошадиномордого клещи и, пока тот уворачивался, выиграл ещё несколько секунд, распутав узел свободной рукой.

Никомах жирной пьяной улиткой ворочался на полу, окрашивая его кровью из носа, и не представлял собой угрозы. А вот худой, тщедушный писарь, вопреки всем ожиданиям, бросился на помощь своему начальнику, размахивая каким-то приспособлением, схваченным им с пыточного стола.

Матвей резко ушёл вправо от выпада меча, мысленно поблагодарив отца за науку, после чего присел, выцарапал с пола, ломая ногти, горсть утрамбованной земли и со всей силы швырнул в лицо нападавшему. Тот заорал, как ослеплённый циклоп, и, протирая глаза одной рукой, принялся махать вокруг себя мечом. Писарь, поняв, что остался один, резко передумал сражаться и метнулся к выходу с криком: «Помогите, скифский лазутчик сбежал!»

Матвей, отчаянно теряя время, подскочил сзади и свалил лошадиномордого на пол, ударив по голове клещами, а затем помчался за писарем. Если тот вызовет подмогу, ему конец.

Матвей очутился в коридоре, по которому его вели. Слава богу, он был пуст. Но куда сейчас? Вправо? Влево? Лабиринт Минотавра, мать их!

Он свернул в один из коридорчиков и наткнулся на молодого воина в красном плаще хламиде, со щитом и коротким копьём. Видимо, воин был неопытен, потому что вместо того, чтобы мгновенно поднять тревогу, он с любопытством посмотрел на Матвея и с удивлением произнёс:

– Ты что здесь делаешь?..

Договорить он не успел: беглец вырубил его ребром ладони по шее. Воин молча рухнул на подставленные руки Матвея. Тот спешно стащил с несчастного тунику, снял сандалии, забрал щит и копьё и, стараясь унять бешено колотившееся сердце, вышел на двор.

Двор не походил на двор тюрьмы. Взад и вперёд ходили люди, ездили повозки, запряжённые ослами, несколько лоточников торговцев расхваливали какие-то постряпушки.

Матвей не торопясь шёл, чувствуя, что непривычная одежда сидит на нём, как на корове седло. Или это казалось? По крайней мере, на него не оглядывались и не показывали пальцем. Он уже почти пересёк площадь и несколько успокоился, соображая, что же делать дальше, как вдруг нос к носу столкнулся с писарем, за которым шли пятеро воинов гоплитов.

– Вот он! – заверещал писарь.

Щитом, как тарелкой, Матвей запустил в гоплитов и, треснув писаря тупым концом копья, снова бросился наутёк.

Глава 9

Наступал вечер. Громче раздавался стрекот цикад, на траве обильно выпала роса, ещё отчётливей стали запахи полыни и шалфея. Лиза клевала носом, периодически припадая к спине Чернозипунникова, который сидел на коне спереди. Наконец вдали показались какие-то постройки, пахнуло дымом, послышался лай собак и блеяние скота.

– Наш город Парату, – сказал Тохар, подъезжая к Лизе и Терентию.

– Спасибо, Захар, – отозвался Чернозипунников, – а то девка у меня приморилась совсем.

– Дядя Терентий, я в полном порядке, – рассердилась Лиза и даже тихонько стукнула Чернозипунникова кулачком по широкой спине. – Тохар, не слушайте его!

Лиза почему-то думала, что город у скифов будет примерно такой же, как у греков, куда она когда-то попала прямиком на помост для торговли рабами. Но город скифов представлял собой скорее селение, огороженное двухметровым плетёным забором. Было какое-то подобие улиц и площадей. Лиза с любопытством смотрела на многочисленные юрты. Одни были совсем маленькие, обтянутые драными шкурами, другие – побогаче и побольше. Изредка попадались совсем большие, похожие на цирк шапито. Кое где раздавались звуки молотков и звяканье железа, в одном месте Лиза увидела печь, в которой обжигали глиняные кувшины.

Тохар проводил гостей в большой яркий шатёр. На нескольких треногах стояли бронзовые блюда, в которых, плюясь, горел жир с какой-то чёрной примесью, освещая помещение. Лиза без сил опустилась на ковёр, рядом, кряхтя, сел Терентий. Тохар и ещё несколько скифов, в том числе и лысый Агим, которого сразу невзлюбил Чернозипунников, расселись напротив них. Откуда то из-за ширмы, будто тени, неслышно появились несколько молчаливых рабов и ловко подложили всем под локти маленькие удобные подушки. Ещё несколько слуг принесли деревянные чаши с молоком и подносы с дымящимся бараньим мясом, которое полили жирным пахучим бульоном. Подражая хозяевам, Лиза и Терентий стали брать руками куски мяса и отправлять в рот, запивая молоком.

Когда трапеза была закончена, им, видимо, как особо почётным гостям, подали какие-то кожаные замшевые полотенца, чтобы вытереть руки. Лиза взглянула на одно из них и ужаснулась: это была человеческая кожа – желтоватая, с родинками. Лиза незаметно вытерла руки о гимнастёрку, а вот Терентий, ничуть не испугавшись, вытерся полотенцем.

– Благодарствуем, хозяева, за угощение.

– Расскажите нам о Кшатре и что с ним случилось, – попросила Лиза.

Тохар вытащил из красивых узорчатых ножен кинжал и, глядя на его лезвие, тускло блестевшее в отблесках огня, начал свой рассказ:

– Мы, саки, любим наши степи, наши города, но несколько лет назад на наших соседей, персов, напали злые и жадные яваны с безумцем Ариманом по имени Искандер Двурогий. Им показалось мало того, что они захватили у краснобородых, и они вторглись к нам. Кшатра нам рассказывал о том, что где-то далеко далеко у него есть сестра, которая когда-то тоже жила в наших бескрайних степях, охотилась с ним на волков, но однажды погибла и перенеслась туда, где люди летают по небу, как птицы, умеют слышать друг друга на расстоянии и знают много такого, что не знают ни скифы, ни согды, ни персы, ни яваны. Кшатра говорил, что он научился проникать в то время с помощью Папая, вроде того, что стоит на кургане. Он говорил, что помогал тебе и твоим друзьям. А ещё он говорил, что придёт время и появишься ты, Кия царица, и твои друзья, которые спасут Великую Скифию от прожорливых яванов, после которых остаются только развалины и собаки с раздувшимися от человечины животами.

Чернозипунников смотрел во все глаза то на Лизку, которую он знал совсем девчонкой и которая вдруг оказалась царицей, то на «Захара», рассказывающего не менее удивительные вещи.

– Так где же мой брат, Кшатра? – спросила Лиза. – И про каких друзей говорил он?

Тохар отхлебнул из чаши.

– Три дня тому назад была битва у Чёрных гор, где яваны разбили наше войско и где погиб мой отец Борак. Но Кшатры не было среди убитых. Значит, он в плену. Яваны пришли со стороны их города Эвтихии. Значит, он там. Что же касается твоих друзей, – он кивнул на Терентия, – разве этот медноволосый старик не твой друг?

– Друг, конечно, – поспешно согласилась Лиза, – но... Должны быть и ещё друзья.

Чернозипунников обиженно протянул:

– Мне и пятидесяти нет. Какой я вам старик? Я любого из вас на кулачках отделаю, как бог черепаху.

Ехидный Агим почесал свою козлиную бороду:

– Чужеземец, мы хоть и уважаем друзей Кии, но ты неуклюж, как связанный верблюд.

Чернозипунников покраснел от злости, но Лиза незаметно ткнула его пальцем в спину, и тот замолчал, исподлобья зыркая на Агима.

Лиза в волнении хотела подняться с мягкого ковра, но усталость и обильная еда так сморили её, что она раздумала.

– Нужно выручить его! Нужно найти моих друзей! Мне кажется, что они тут!

Тохар пытливо посмотрел на Лизу своими угольно чёрными глазами.

– Что ты предлагаешь, Кия? Взять штурмом Эвтихию? Когда у нас нет ни баллист, ни онагров, ни осадных башен. Если бы ты научила наших воинов летать, как могут у вас...

– Это невозможно, – вздохнула Лиза, – но, может быть, попробовать тайно проникнуть в город и отыскать следы Кшатры? Найдём его – найдём и моих друзей. А вместе мы что-нибудь обязательно придумаем.

– А что, это идея, – оживился Агим. – Отправить кого-то из наших под видом купца, а Кия пусть будет его наложницей. Могу взять это опасное дело на себя. Я знаю обычаи яванов, в Эвтихии у меня есть несколько знакомых ремесленников соглядатаев. Лучшего лазутчика тебе, Тохар, и не найти.

Говоря это, Агим раздулся от важности, Лизе показалось, что даже его лысина ярче заблестела.

– Хвастун ты, Агим, – бесцеремонно сказал Чернозипунников, который много чего не понял, но снова уяснил главное: чтобы он Лизку одну отпускал? Раз уж я тут, то вроде дядьки при ней, чтобы потом мужику её на руки сдать в целости и сохранности.

Тохар поднял правую руку.

– Ночь стучится в наши шатры. А ночью все злые духи пляшут около человека и нашептывают ему плохие советы. Завтра будет день, когда Ахурамазда согреет наши души своим теплом и светом, прогнав зло. И вот тогда мы примем решение.

Лиза с удивлением покосилась на скифа. Поэт! С полотенцами из человеческой кожи.

В шатёр зашли двое воинов, жестами приказывая следовать за ними. Лиза встала и, поблагодарив за угощение, вышла. За ней плёлся верный Терентий.

Где-то посредине стойбища города их подвели к двум небольшим шатрам. В один залез Терентий, что-то недовольно ворча, а во второй забралась Лиза.

Палатка была совсем маленькой, но более-менее удобной. На полу лежали несколько одеял и циновок, в середине помещения тлел костёр. Лиза молча забралась под одеяло. Да, назвался груздем – полезай в кузов. Придётся ей ехать в эту самую Эвтихию – логово яванов. С одним револьвером, который, по большому счёту, никакой роли не сыграет. Конечно же, с дядей Терентием. И с Агимом.

Лиза вытащила из кармана статуэтку.

– Ну что, где твой сын? Где ещё один ты?

Но Папай, видимо, уже спал, так как ничего не ответил.

Глава 10

Среди пленников старожилов почти ощутимой волной пробежал страх. Видимо, скифов саков боялись не меньше яванов. Кшатра устало опустился на землю и со вздохом обратился к своим двум спутникам:

– Канита, Савмак, душу точит змея. Больно понимать, что ты в плену, а твою землю топчет враг.

– Если твою землю топчет враг, то его нужно уничтожать всеми доступными способами, – подал голос из своего угла Беляев, – уж поверь мне, уважаемый, я знаю, о чём говорю.

Савмак подошёл к Петру и пренебрежительно посмотрел на него.

– Ты не выглядишь как богатырь. Сколько черепов врагов есть в твоём шатре?

Пётр оставил спящего Мухина и поднялся. Он был на голову меньше ростом, чем широкоплечий Савмак.

– Там, откуда я родом, достойные мужчины не отрубают головы своим врагам, – отозвался он.

– Выходит, я не достойный? – с угрозой спросил Савмак и оглянулся на своих товарищей. – Кшатра, Канита, сейчас вырву этому коротышке его поганый язык.

– Постой! – удивлённо отозвался Кшатра.

Он поднялся и, прихрамывая, подошёл к Беляеву.

– Я узнал тебя, чужеземец! – воскликнул скиф. – И друга твоего узнал! Где же Кия?

Беляев непонимающе смотрел на подошедшего богатыря, который был ещё больше Савмака.

– Я названый брат Кии, – продолжил Кшатра, – по-вашему, её зовут Лиза. Раз вы очутились здесь, значит, она тоже. Только, видимо, все в разных местах. Папай взял с собой в путешествие тех, о ком подумала Кия, когда он стал горячим.

– Ничего не понимаю, что ты говоришь, но нутром чувствую, что мы в одной лодке, – засмеялся Беляев.

Мухин очнулся и с кряхтением поднялся.

– Выходит, родня мы? – усмехаясь, спросил он. – Я бы сам хотел увидеть сейчас свою жену.

– И тебя я помню, – отозвался скиф. – Ты храбрый воин, и я рад, что Кия выбрала тебя. Вижу, вы оба изранены, значит, крепко бились с яванами.

Пётр помолчал, соображая, рассказать или нет этому силачу бородачу, как они с Василием двадцать лет назад перенеслись в эти же времена и волею судьбы участвовали в штурме персидского города на стороне македонцев.

Дамир и Юсуф всё это время молча слушали малопонятный разговор. Наконец Юсуф сказал:

– Нам всем нужно держаться вместе, тогда, может быть, удастся убежать.

Канита потрогал шёлк его рубашки:

– Вы купцы. Скорее всего, вас будут держать в плену до тех пор, пока за вас не пришлют выкуп.

Дамир горестно воздел руки к решётчатому небу.

– Ахурамазда свидетель, что у нас ничего не осталось, даже потёртого обола! Всё забрали проклятые яваны и скифы!

Дамир понял, что ляпнул лишнего, и стал быстро выкручиваться.

– Скифы скифам рознь! Вот саки и сколоты – настоящие скифы, а массагеты и парфяне – разбойники, не хуже яванов!

Канита ухмыльнулся:

– О том, что у вас нет денег, можете рассказывать яванам сколько угодно. Особенно после того, как они привяжут вас к столбу и оставят на пару дней на солнышке.

Постепенно разговоры смолкали. Люди, несмотря на тесноту и вонь, засыпали, надеясь, что следующий день что-то изменит в их заточении. Беляеву после снадобья купцов стало значительно легче. Он молча обдумывал непонятные слова скифа.

Получается, что это из-за Лизы они тут? И она сама тоже где-то в этих местах? Безусловно, им нужно встретиться. Но как сбежать из этой тюрьмы? Старожил сказал, что скоро будет рыночный день и их всех поведут на площадь для продажи. Конечно, при грамотной постановке вопроса можно подготовиться и дать бой, когда их выведут на свет божий. Но захотят ли измождённые пленники биться насмерть? Дружно и по команде кидаться на мечи и копья, чтобы они застревали в их телах, а пока охрана, ругаясь, извлекала бы их, другая сформированная группа напала на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.